

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.6>

Киросова Наталья Васильевна

[КОРЕНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА КАК ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОМИ РЕГИОНЕ В 1920-1930-Е ГГ.](#)

В статье анализируется практика коренизации партийно-государственного аппарата, проходившая в условиях реализации национально-языковой политики в Коми регионе в 1920-1930-е гг. На основе изучения архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, обобщаются данные о числе вовлеченных в работу органов управления национальных кадров. Указывается, что моноэтничность населения позволяла без усилий выдерживать формальные требования к рекрутированию и выдвигать на руководящие должности коренных жителей, но проблематичным оставался вопрос использования коми языка в работе партийных и государственных органов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/6.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 39-43. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SOCIAL SITUATION OF THE BLIND IN RUSSIA ON THE EVE OF OCTOBER 1917 AND IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER

Karlov Sergei Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk
helmut2062@gmail.com

In the article, the place and role of the blind in the Russian society on the eve of the October Revolution of 1917 and in the early years of the Soviet power before the foundation of the All-Russian Society of the Blind in 1923 are analysed. The paper reveals fundamental changes in the social situation of the blind, which occurred after the establishment of the Soviet power. The author concludes that just before October 1917, the blind in Russia lived mainly with the assistance of charity and were separated from the society; that along with positive changes in the social situation of the blind, which occurred in the first years of the Soviet power, there were serious obstacles to their full integration into the society.

Key words and phrases: visually impaired people; charitable institution of Empress Maria for the blind; charity; All-Russian Association of the Blind; social policy; All-Russian Society of the Blind; situation of the blind in society; social integration of the blind.

УДК 94:329.8(47.13)

Дата поступления рукописи: 18.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.6>

В статье анализируется практика коренизации партийно-государственного аппарата, проходившая в условиях реализации национально-языковой политики в Коми регионе в 1920-1930-е гг. На основе изучения архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, обобщаются данные о числе вовлеченных в работу органов управления национальных кадров. Указывается, что моноэтничность населения позволяла без усилий выдерживать формальные требования к рекрутированию и выдвигать на руководящие должности коренных жителей, но проблематичным оставался вопрос использования коми языка в работе партийных и государственных органов.

Ключевые слова и фразы: история Республики Коми; национально-государственное строительство; национально-языковая политика; зырянизация; коренизация; партийно-государственный аппарат; управленческие кадры.

Кирсова Наталья Васильевна, к.и.н.

Сыктывкарский государственный университет имени Пютирима Сорокина
knata2409@yandex.ru

КОРЕНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА КАК ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОМИ РЕГИОНЕ В 1920-1930-Е ГГ.

При финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми, проект № 18-49-110002\18.

Период 20-30-х гг. прошлого столетия, без сомнения, можно охарактеризовать как время активного административно-территориального деления советского государства, формирования государственно-политических институтов, осуществления национальной политики в регионах. Достижение стратегических целей и задач в сфере эффективного функционирования системы управления во многом зависело и от реализации различных направлений кадровой политики, например таких, как политика коренизации. Кроме того, продекларированная сохранность национальной идентичности, безусловно сопряженная с сохранением языка и культуры народа, обеспечивала приобретение политического доверия населения к советской власти, которое заслуживалось за счет осуществления ряда мероприятий: наряду с поддержкой национальной экономики, культуры, образования предполагалось подготовить профессиональный кадровый состав для государственных учреждений в рамках существовавшей на местах системы образования. Эти проблемы до сих пор остаются **актуальными** для тщательного изучения и осмысления, а вводимые в научный оборот документы региональных архивов позволяют проследить тенденции и нацеливают на выявление особенностей реализации планов государства в национальных окраинах. Исходя из чего, исследовательскими **задачами** являются изучение проблем функционирования коми языка в общественно-политической жизни Коми автономии в 1920-1930-е гг., а также анализ процесса и условий вовлечения представителей титульной нации в работу партийно-государственного аппарата.

В 1920-1930-е гг. в политическом лексиконе активно применялся термин, который обозначал национально-языковую политику в целом. В общественной жизни Коми региона он получил название «зырянизация», в контексте которой формировался управленческий аппарат [12; 13]. Определение статуса коми и русских языков как государственных началось еще до официального оформления Коми автономии и прежде всего являлось предметом обсуждения в педагогической среде. В 1918-1920 гг. проблемами обучения и преподавания на родном для коми населения языке, подготовки учителей, создания литературного языка занимались

отделы народного образования. С образованием Коми автономной области в августе 1921 г. были созданы организационно-правовые условия функционирования языка и осуществления политики зырянизации.

Вопрос об использовании родного языка рассматривался в контексте формирования коми национальной школы [2]. Идеи языкового строительства обсуждались не только на учительских совещаниях и съездах, но находили отклик среди местной интеллигенции. Так, в 1918 г. постановка культурно-просветительских задач для развития региона объединила в этом устремлении деятельность двух общественных организаций – «Коми котыр» (г. Яренск) и «Коми автономист чукÖр» (с. Помоздино Усть-Сысольского уезда). Идеи национального воспитания как патриотического чувства также были заложены в основу уставной деятельности «Зырянского литературного общества “Асья кыя”». Взвешенная, продуманная политика функционирования коми и русского языков в школьной среде, в общественной жизни основывалась прежде всего на изучении культурных ценностей, на любви к родному краю. Представители местной интеллигенции проводили работу по поднятию престижа родного языка, но главной задачей ставили создание литературного коми языка. На основе русской графической системы В. А. Молодцовым был создан коми алфавит, который и обеспечил функционирование национального языка. Однако уже во второй половине 1920-х гг. развернулись бурные дискуссии вокруг его применения.

В этот период вопросы продвижения коми языка в целом курировали уездные отделы народного образования. Так, при поддержке Яренского УОНО в августе 1918 г. проходил педагогический съезд в с. Усть-Вымь, а в сентябре этого же года была открыта учительская семинария, ставшая первым учебным заведением по подготовке необходимых кадров. Учреждение в ноябре 1918 г. «Комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школ и народа» дало старт активному осуществлению языковой политики. Успешная просветительская работа также способствовала созданию коми представительства в государственных учреждениях: Северо-Двинском губернском отделе народного образования, Наркомпросе, Наркомнаце. В это время открылось и первое книжное издательство, предпринимались попытки организовать делопроизводство в отделах народного образования на национальном языке. Таким образом, еще задолго до начала непосредственного осуществления коренизации партийно-государственного аппарата не только обсуждался вопрос об использовании коми языка во всех сферах общественно-политической жизни региона, но были созданы и реальные предпосылки для его успешного внедрения.

Логическим продолжением государственной национальной политики в целом и автономизации в частности являлась коренизация, которая предусматривала «совокупность мероприятий по приобщению масс трудящихся каждой прежде угнетенной национальности к строительству социализма путем вовлечения в советское управление и реализации родного языка» [17, с. 12]. На первоначальном этапе ее проведения предполагался перевод официального делопроизводства в советских органах управления на родной язык, что укладывалось в рамки осуществления национального языкового строительства, но который в дальнейшем был поглощен сложнейшими лингвистическими процессами. Старт кампании был дан в середине 1920-х гг., после опубликования соответствующего декрета ВЦИК [9]. Однако в Коми регионе перевод делопроизводства на родной язык начался фактически за полгода до принятия официального документа. Во исполнение директив X и XII съездов РКП(б) по вовлечению в советское управление националов и использованию их родного языка в управленческой среде была организована Комиссия по зырянизации советского аппарата [10, с. 67]. С этого момента начался активный процесс по зырянизации всех учреждений области, утверждались планы работ, сроки и сметы расходов [11, с. 37-38]. Постановка задач и контроль над деятельностью Комиссии возлагались на Президиум Коми обласполкома, что закреплялось решениями III Областного съезда Советов (декабрь 1923 г.) и V областной партийной конференции (апрель 1924 г.). Сфера действий Комиссии была широка и предусматривала не только проведение мероприятий по культурному возрождению и общественно-политическому развитию народа коми, но и привлечение к работе ответственных советских и партийных аппаратов, музеев, архивов и др. По всей области были созданы институты уполномоченных по зырянизации, которые осуществляли организационную работу на местах [7, д. 1219, л. 5 – 5 об.]. Проработанный Комиссией вопрос о статусе коми и русских языков в контексте проведения зырянизации был вынесен на обсуждение IV Областного съезда Советов (октябрь 1924 г.). Одобренное на высшем уровне принципиальное решение об использовании двух государственных языков позволило издать «Инструкцию по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации Автономной области Коми» [3]. Документ регламентировал процессы организации делопроизводства на коми языке, но допускал использовать русский при ведении переписки с внеобластными учреждениями, а также в районах компактного проживания русского населения.

Однако полномочия Комиссии не были ограничены только этим, ее значимость оценивалась, прежде всего, как органа, координировавшего проведение национально-языковой политики в целом. При ее непосредственном участии проходили исследования в области языкознания, разрабатывались терминологические принципы, осуществлялась методическая работа. Так, в середине 1920-х гг. под руководством Комиссии прошли дискуссии о правописании коми языка, что имело непосредственное отношение к политике зырянизации. Прямое отношение к зырянизации имели и дискуссии о графических языковых нормах. В целях осуществления «культурной революции» государство стремилось унифицировать письменность всех наций, что привело в 1920-е гг. к переходу от действовавшего алфавита к латинизированной графике и созданию новой письменности для некоторых народов, а в 1930-е гг. – возврат к русской графической основе [1]. Безусловно, подобные реформы сопровождались значительными издержками: перестройкой полиграфической базы, осуществлением перевода всех официальных документов, подготовкой кадров для сферы государственного управления, изменениями в системе

образования и др. Дискуссии о графических нормах коми языка выливались в острейшую проблему. В Коми автономии идеи латинизации коми письменности выдвигались одним из основателей Общества изучения Коми края профессором А. Н. Гренем и скорее соответствовали сложившемуся «политическому моменту», поскольку приспособить латинский алфавит к коми письменности так и не удалось.

Любые способы осуществления национально-государственного строительства неизбежно приводили к решению важнейшего вопроса об использовании языка в общественной жизни. Вопросы применения шрифта были принципиальны для Коми региона прежде всего в связи с проблемами формирования литературного языка. К дискуссии привлекались не только члены Комиссии, но и учителя школ, представители интеллигенции, имевшие непосредственное отношение к функционированию языка и способные объективно оценить сложившуюся обстановку. Например, на II Всекоми съезде работников просвещения (сентябрь 1925 г.) было принято решение об использовании так называемого «молодцовского алфавита» (коми язык развивался на основе русской графической системы и был составлен В. А. Молодцовым в 1918 г.). Кроме того, вопрос ставился на II Конференции Коми ассоциации пролетарских писателей (сентябрь 1928 г.), а также решался на Коми лингвистической конференции Главнауки (июль 1929 г.). В целом, несмотря на сложность и противоречивость процессов, к концу 1920-х гг. были зафиксированы нормы коми литературного языка, завершилось становление национальной школы, издательского дела.

На протяжении 1920-1930-х гг. проблемы национально-языкового строительства систематически обсуждались на областных съездах Советов и партийных конференциях, но прежде всего в контексте зырянзации и коренизации партийно-государственных аппаратов. Исполняя директивы высших органов страны по реализации национальной политики на местах, в первой половине 1920-х гг. Коми областным руководством была поставлена задача постепенного перевода официального делопроизводства на национальный язык. Такое решение мотивировалось тем, что столетиями канцелярский язык был русским и выработка коми культуры вне русской невозможна [15, с. 107]. Кроме того, по мнению делегатов V Областной партийной конференции (март-апрель 1924 г.), проведение зырянзации осложнялось наличием в органах управления 35% «не местных работников, недостаточно знакомых с бытом и совершенно незнакомых с языком населения» [14, с. 39-40]. На перспективу ставились задачи учета всех членов РКП(б) коренной национальности и кадрового резерва, проведения мониторинга за изменениями национального состава руководителей партийных, советских, профессиональных организаций, организации курсов обучения коми языку для руководящего состава и др. [Там же, с. 40-41]. Несмотря на предпринимаемые действия, темпы продвижения коми языка в государственное управление все же были низкими. Так, ревизионная комиссия VII Облпартконференции (январь 1926 г.) констатировала, что при обследовании партийного аппарата «бумаг на зырянском языке пока не встречалось» [6, д. 59, л. 14].

Вместе с тем уже с начала 1920-х гг. в области достаточно успешно осуществлялась коренизация, т.е. вовлечение в работу органов партийно-государственного управления представителей коренной национальности. Предполагалось, что подбор и расстановка представителей этноса на руководящие должности должны были приблизить советскую власть к местному населению. И здесь Коми регион был в выигрышном положении – подавляющее большинство его жителей были коренной национальности. По сведениям Комиссии по зырянзации, к осени 1923 г. в областных учреждениях насчитывалось 66,67% коми работников, в уездных и волостных – 83% [11, с. 132]. Представительство коренных жителей в составе местных Советов по итогам перевыборов в середине 1920-х гг. составляло 95%, русских – 3,97% [4, с. 352].

В 1928-1929 гг. были предприняты «решительные меры» по переводу партийно-государственного аппарата на коми язык, но так и не привели к желаемым результатам. Руководство области подчеркивало, что медлительность процесса обусловлена многолетним использованием русского языка, а родной литературный язык и письменность находились в стадии оформления [16, с. 18]. Национально-языковая проблема еще более усложнилась на рубеже 1920-1930-х гг., когда в масштабах страны обострился процесс латинизации, что привело к поспешному переводу коми письменности на латинизированный алфавит. Для Коми автономии были отлиты типографские шрифты, а XII Облпартконференция (январь 1932 г.) одобрила доклад областного комитета нового алфавита «Об итогах подготовки к переходу на новый алфавит и очередных задачах». Лингвистические эксперименты привели к тому, что резко снизился спрос на коми издания, обучение в школе осуществлялось без учебной литературы. В результате в марте 1935 г. Президиумом облисполкома было принято постановление о переходе на «молодцовский алфавит» [7, д. 1251, л. 285], а в Центральный комитет нового алфавита направлено письмо об отказе от латинизированного алфавита как «оказавшегося непонятным для трудящихся» [Там же, л. 278]. На XIV Облпартконференции (май 1937 г.) за решение о латинизации подвергся критике обком партии. Окончательный же вариант коми алфавита на русской графической основе и правила правописания были утверждены осенью 1938 г.

Как отмечалось ранее, несмотря на моноэтничность населения Коми автономии, процесс зырянзации тормозился рядом объективных факторов: отсутствие квалифицированных кадров и опыта подобного рода мероприятий, недостаточность материальных средств, использование в речи различных местных диалектов и др. И если в разговорной речи коми язык употреблялся практически повсеместно, то на уровне деятельности партийно-государственных аппаратов достаточно часто использовался русский язык. Прежде всего функционирование двух государственных языков обеспечивало использование русского на территориях, где проживало русское население. Так, в постановлении Президиума Коми облисполкома от 6 мая 1931 г. прямо говорилось о ведении переписки районных и сельских советов с преобладающим русским населением исключительно на русском языке [11, с. 223].

В непростых условиях двуязычия проходило вхождение Коми автономной области и в состав Северного края. Дискуссии 1928-1929 гг. о включении области в более крупную территорию дали повод к обвинению некоторых руководителей Коми региона в «воинствующем коми национализме». Облисполком в специальном письме разъяснял, что коренизацию аппарата и перевод делопроизводства на коми язык нельзя отождествлять с «национал-шовинизмом» [7, д. 92, л. 40]. Опасаясь стать жертвой подобных обвинений, руководители некоторых организаций и учреждений вернулись к использованию русского языка. Противоречивость решений этого периода приводила к ситуациям, когда такие действия могли рассматриваться как проявление «великодержавного шовинизма». Так, из доклада областной контрольной комиссии на XI Облпартконференции (май 1930 г.) следует, что это выражалось в противодействии зырянзации партийно-государственных аппаратов, бойкотировании коми языка в школах и др. [6, д. 128, л. 74].

Степень сложности национально-языковой политики 1930-х гг. была колоссальной. Например, весной 1933 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) поручило ОКК-РКИ выявить руководителей учреждений и организаций, секретарей партийных ячеек, где делопроизводство осуществлялось на русском языке, и привлечь их к ответственности, в том числе уголовной, поскольку это рассматривалось как «прямой саботаж комизации аппарата» [7, д. 1250, л. 102]. На фоне репрессий против так называемых «коми буржуазных национал-шовинистов» в 1935-1938 гг. противопоставление двух языков выражалось в поиске причин неиспользования русского языка. Его плохое усвоение в школах увязывалось с действиями со стороны «контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических агентов фашизма, которые срывали проведение ленинско-сталинской национальной политики, подрывали братское единство коми народа с русским» [8, д. 74, л. 199]. Безусловно, национально-языковые деформации привели к репрессиям против представителей коми интеллигенции, партийных и советских работников, среди которых оказались Д. А. Батиев, И. Г. Коюшев, В. И. Лыткин, А. А. Маегов, В. А. Молодцов, В. А. Савин, А. С. Сидоров, В. Т. Чисталев и др.

В 1930-е гг. подготовка и продвижение местных кадров повсеместно осуществлялись за счет выдвиженцев. Вовлечение представителей коренной национальности в партийные и советские органы управления успешнее всего проходило на низовом уровне, поскольку к ним предъявлялись минимальные требования. При проведении коренизации на среднем и высшем уровнях процесс осуществлялся значительно сложнее. Программа подготовки национальных управленческих кадров в целом соотносилась с культурно-просветительской работой среди местного населения. В основном специалисты и руководители партийно-советских аппаратов проходили обучение в совпартшколах, в различных учебных заведениях, на курсах и семинарах. Механизм выдвиженчества применялся и в кадровой политике Коми региона.

В начале 1930-х гг. национальный состав органов управления области оставался стабильным: 95% в сельсоветах, 87% в райисполкомах, 57,4% в аппарате Коми облисполкома, 77% в Президиуме Коми облисполкома [4, с. 352]. Однако, несмотря на это, на высшем государственном уровне указывалось на снижение показателей коренизации в Коми автономии в период с 1929 г. по 1931 г. Общее число лиц коренной национальности, вовлеченных в аппарат управления в 1930 г., составляло 69,9%, в 1931 г. – 64,4% [17, с. 15]. В качестве замечаний и причин сложившейся ситуации назывались наличие «великодержавного шовинизма и местного национализма», а также слабость руководства и организации работы по профессиональной подготовке и переподготовке управленческих кадров [Там же, с. 17].

В середине 1930-х гг. процесс вовлечения национальных кадров в региональное управление фактически был завершен. Итоги коренизации по отдельным территориям оказались различными, но в целом имели прогрессивное значение для социальной сферы. Приложенные значительные усилия по ликвидации массовой неграмотности и просветительской деятельности, осуществление программ образования профессиональных кадров позволили многим представителям коренной национальности получить не только среднее, но и высшее образование. Это также являлось характерным и для Коми автономии.

В целом задача коренизации аппарата и улучшения социального состава областных руководящих кадров к середине 1936 г. была выполнена. Органы управления низового уровня фактически полностью были укомплектованы из «коми трудящихся», а на областном уровне работников коренной национальности насчитывалось до 80% от общего состава [7, д. 885, л. 6]. Несмотря на это, дискуссии о коренизации, введении коми языка в делопроизводство продолжались. Например, присутствовавший на XIV Облпартконференции (май 1937 г.) секретарь Северного крайкома Г. А. Рябов указал на необходимость дальнейшего изучения национальных кадров и их обучения [6, д. 295, л. 89].

Перманентная напряженность в сфере национальной политики не могла не отразиться на национально-языковом строительстве, в том числе на официальном статусе коми языка. Новый курс на сближение наций обеспечил во второй половине 1930-х гг. активное внедрение русского языка в государственное управление и реорганизацию национальных районов [5]. Конституция СССР 1936 г. не содержала статей, в которых бы закреплялись права нацменьшинств, а при разработке проекта Конституции Коми АССР в 1937 г. не были учтены предложения о включении статьи о функционировании в регионе двух государственных языков – коми и русского.

Таким образом, коренизация партийно-государственного аппарата, в целом осуществляемая в рамках национально-языкового строительства в Коми автономии, соотносилась с общими тенденциями национальной политики. Моноэтничность региона позволяла выдерживать не просто формальные требования к рекрутированию кадров, а реально вовлекать местных жителей в процесс управления. Приближение советской власти к населению выражалось в достижении результатов развития образования, культуры, сохранении национальных традиций, языка и в целом национальной идентичности коми народа. Однако сложность и противоречивость решений

вопросов национально-государственного строительства 1920-1930-х гг. не могла не затронуть систему регионального управления. В частности, на протяжении всего исследуемого периода проблематичным оставался вопрос перевода официального делопроизводства на коми язык. Но ошибки и просчеты в его решении были неизбежны, поскольку совершались прежде всего под воздействием внешних политических факторов.

Дальнейший анализ процесса коренизации партийно-государственного аппарата в первые десятилетия становления Коми государственности как одного из механизмов формирования корпуса управленческих кадров позволит не только изучить вопрос использования национальной принадлежности при формировании этнической номенклатуры, но и охарактеризовать местную политическую элиту по различным социальным и профессиональным признакам.

Список источников

1. Даудов А. Х., Мамышева Е. П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. История. 2011. № 2. С. 7-12.
2. Золотарев О. В. Коми национальная школа: этапы развития // Февральские чтения: сб. материалов научно-практической конференции (г. Сыктывкар, 15-18 февраля 2011 г.). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2011. С. 38-42.
3. Инструкция по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации Автономной области Коми. Усть-Сысольск, 1924. 10 с.
4. История Коми края в документах и материалах: хрестоматия: в 2-х ч. / под ред. А. Н. Турубанова. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1985. Ч. 2. Советский период. 448 с.
5. Кайкова О. К. Поворот в национальной политике 1935-1937 гг. и судьба национальных меньшинств РСФСР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2006. № 3. С. 116-121.
6. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. П-1. Оп. 1.
7. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1.
8. НАРК. Ф. 870. Оп. 1.
9. О мерах по переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки: Декрет ВЦИК от 14.04.1924 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (РСФСР). 1924. № 41. Ст. 371.
10. О создании Комиссии по зырянизации советского аппарата: Постановление Бюро Коми обкома РКП(б) от 24.11.1923 // Коми му. 1924. № 1-2.
11. Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар: Правительство Республики Коми, 2006. Т. 1. Коми облизполком в документах и материалах (1922-1938 гг.). 576 с.
12. Попов А. А. «Зырянизация-комизация» национальной школы в Коми автономии (1930-е годы) // Вторые Мяндинские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с. Усть-Цильма, 11-12 июня 2010 г.): в 2-х т. Сыктывкар: ООО «Кола», 2011. Т. 2. С. 117-125.
13. Попов А. А. Политика «зырянизации» в области народного образования в 1920-е гг. в Коми автономии // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы X Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции (г. Сыктывкар, 22 апреля 2011 г.): в 3-х ч. Сыктывкар: КРАГСИУ, 2011. Ч. 1. С. 179-187.
14. Постановления Коми областных партийных конференций (1-5). Усть-Сысольск, 1929. Вып. 1. 55 с.
15. Протоколы 4-го Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми: журналы съезда. Усть-Сысольск: Изд-во Обкома ВКП(б), 1926. 250 с.
16. Резолюции третьего пленума Коми обкома и пленума ОКК ВКП(б) (1-9 июня 1928 г.). Усть-Сысольск: Изд-во Обкома ВКП(б), 1928. 35 с.
17. Родневич Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12. С. 12-21.

INDIGENIZATION OF STATE AND PARTY APPARATUS AS A TACTICAL TASK OF IMPLEMENTING NATIONAL LANGUAGE POLICY IN THE KOMI REGION IN THE 1920-1930S

Kirosova Natal'ya Vasil'evna, Ph. D. in History
Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
knata2409@yandex.ru

The article analyses the practice of indigenization of the state and party apparatus while realizing national language policy in the Komi region in the 1920-1930s. Relying on archival materials, some of which have been previously unknown, the author summarizes the data on the total number of the native personnel involved in the administrative bodies' activity. The author points out that mono-ethnicity of the population allowed easy observation of formal requirements for recruiting and promoting the natives to leading positions, but the issue of using the Komi language in the work of the party and state bodies remained problematic.

Key words and phrases: history of the Komi Republic; national state-building; national language policy; Zyrianization; indigenization; state and party apparatus; administrative personnel.